Ф. Кашуба

Литературная критика журнала

СИБИРСКИЕ ОГНИ

1920 – 1980-е годы

БИБЛИОТЕКА
КАНУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СО РАН

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

1-980179

Л.П.ЯКИМОВА, Н.Н.СОБОЛЕВСКАЯ,
Э.А.БАЛЬБУРОВ, Б.М.ЮДАЛЕВИЧ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ЖУРНАЛА "СИБИРСКИЕ ОГНИ". 20 – 80-е годы

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ КНИГ
ТГУ

Дорогой Фаине Зиновьевне
в знак
творческого содружества
и
самых добрых чувств,
проверенных многими
годами. С глубоким уважением
Л. Якимова

НОВОСИБИРСК
1994

ББК Ш(2=Р)7-30
УДК 882.09

Литературная критика журнала "Сибирские огни". 20 - 80-е годы / Л.П.Якимова, Н.Н.Соболевская, Э.А.Бальбуров, Б.М.Юдалевич; Новосиб. ун-т. Новосибирск, 1994. 288 с.

Книга представляет собой фронтальное исследование литературной критики ведущего журнала Сибири "Сибирские огни", впервые осуществленное в российском литературоведении. Полифункциональная природа критики, ориентированной столько же на литературный, сколько и на общественно-исторический процесс, позволяет в ее зеркале увидеть многие специфические особенности как литературной жизни страны на протяжении многих десятилетий, так и по-новому воспринять многие стороны советской культуры в 20-е годы, период культа личности, время общественной "оттепели и "застоя".

Предназначена для студентов и преподавателей филологических факультетов, может быть интересна и широкому кругу читателей.

Автор главы I - Н.Н.Соболевская, II - Л.П.Якимова, Ш и IУ - Э.А.Бальбуров, У - Б.М.Юдалевич.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В.Г.Одиноков

© Новосибирский государственный университет, 1994

Предисловие

Без преувеличения можно сказать, что в истории российской культуры журнал "Сибирские огни" - явление поистине уникальное. В не лучших для своей жизнедеятельности условиях, созданных наступлением рыночных отношений, отметил он в 1992 г. свое семидесятилетие, пройдя через все фазы многотрудной истории советского общества, и предстал сегодня как неопровержимый документ духовной жизни, может быть, одного из самых драматических моментов человеческого развития.

Значение "Сибирских огней" как первого универсального издания советской провинции, как "единственного толстого художественно-литературного журнала Сибири", призванного "быть рупором нарождающегося общественного самосознания окраины и художественного отображения ее в литературе"[1], сразу было понято и оценено не только отечественной, но и зарубежной прессой.

Миссия "толстого" журнала предполагала наличие в нем не только художественных разделов - прозы, поэзии, очерка, но и литературной критики, обязывала к систематическому освещению общих проблем развития культуры и эстетической мысли. В силу своей культурной значимости "лучшего из провинциальных"[2] журналов "Сибирские огни" неоднократно попадали в поле зрения разных исследователей - краеведов, культурологов, литературоведов, однако его литературная критика предметом специального и самостоятельного исследования становится первый раз. Но даже если бы такого рода исследования и были уже проведены ранее, это не уменьшило бы необходимости создания новых работ на эту тему, ибо наступившее время перевернуло устоявшиеся взгляды не только на отдельные факты истории советской литературы, но и на всю историю советского общества, продиктовало настоятельную потребность в тотальной переоценке ценностей.

Разумеется, дело не в простой перестановке оценочных знаков, не в механической замене одной точки зрения на другую, прямо противоположную, дело в предоставляемой временем возможности увидеть реальное содержание журнала без идеологических шор, выверить его мыслью, свободной от воздействия ранее господствовавших мифов, догм и стереотипов.

Еще и не в столь далекие времена журналу часто ставили в упрек то, что сегодня воспринимается как его сила и достоинство.

Достаточно вспомнить некоторые моменты литературно-критической позиции В.Правдухина, ошибочность которой виделась в том, что он сомневался в возможности создания пролетарского искусства, не отрицал значения критического реализма в художественной практике и советских писателей, ориентировал их на сатиру "не по отношению к умирающим классам... а именно по отношению к своему классу"[3]. До чрезвычайности показательна в этом смысле и судьба В.Зазубрина, после "Двух миров" существенно отступившего от предлагаемых правил изображения революции и созданной после нее "новой жизни", в результате чего его повести "Бледная правда", "Общежитие" и "Щепка" рассматривались критикой как серьезный творческий срыв[4].

Правда жизни прорывалась в журнале вопреки руководящим указаниям и постановлениям. Именно на это прежде всего обратила внимание выходившая на Западе "Вольная Сибирь", когда писала: "Как это ни странно, несмотря на официальную коммунистическую идеологию руководителей журнала, в нем бьется живой подлинный пульс жизни. Мы это склонны объяснить только тем, что народная стихия (по преимуществу крестьянская), поскольку она находит свое отражение в художественных проявлениях сибирских писателей, прорывает внешние политические рогатки, как многоводная река свои берега"[5].

Эта оценка деятельности журнала относится к 20-м гг. Но в разные времена журнал был разным. По мере упрочения тоталитарного режима менялся и облик "Сибирских огней". Через призму журнальной критики сегодня удается увидеть такие стороны историко-литературного и культурного процесса, которые оказывались недоступными для понимания в других случаях. Если говорить о культуре периода тоталитаризма, то в силу перевернутости общественных и человеческих связей, их фиктивности, именно этот взгляд на культурно-исторический процесс оказывается предпочтительнее других, дает наивысший исследовательский эффект.

Дело в том, что лишенными привычной логики, фиктивными оказались сами отношения между литературой и критикой, ибо в соответствии с истинными целями тоталитаризма критике отводилась руководящая и направляющая роль, и не она оказывалась зеркалом литературного процесса, а наоборот, литературная жизнь превращалась в зеркальное отражение велений критики. Да и сама критика временами проявлялась не столько в привычном облике журнально-

газетного слова, статей и книг, сколько в широковещательных акциях - писательских съездах, читательских конференциях, литературных юбилеях, всесоюзных дискуссиях по вопросам литературы, постоянно действующем факторе "литературной учебы" и т.д.

О намерении создать новый журнал редколлегия известила сибирскую публику заблаговременно, и уже в ее программных заявлениях отчетливо слышался голос революционной эпохи с ее тотальной устремленностью к решению задач глобальной значимости, поискам универсальных средств переделки мира. В данном случае это проявилось в безмерно преувеличенных представлениях о способности человека так изменить природу искусства, чтобы силою его можно было изменить природу самого человека. Разумеется, что критике в этой системе зависимостей отводилась решающая роль - роль пускового механизма всего литературного процесса страны: "Журнал ставит своей задачей, - провозглашала его первая редколлегия, - возрождение художественного слова, социальная мощь и политическая значимость которого в последние годы недостаточно оценивались. Между тем, безусловно, и теперь мы к этому приходим, организация чувств и воли посредством художественных образов - одна из важнейших наших задач"[6].

Но не только благодаря своей временной специфике журнальная критика расширяет пределы нашего знания о литературной жизни советской эпохи, но и благодаря своим постоянным, внутренним, так сказать, имманентным особенностям. Полифункциональная природа критики, ее ориентированность столько же на литературный, сколько на общественно-исторический процесс, ее органическая связь с такими смежными дисциплинами, как искусствоведение, социология, публицистика, позволяют в свете ее нагляднее представить общую картину действительности, выявить интегральный образ времени, что так глубинно отвечает интересам сегодняшнего читателя.

При освещении литературного процесса авторы данной книги исходили из сложившейся в советском литературоведении периодизации по десятилетиям, понимая всю относительность такого членения духовной жизни общества. При этом стремление передать неповторимые черты журнальной критики в каждый из литературных периодов потенцируется своеобразием исследовательского стиля каждого из авторов - в соответствии с принятым им решением не жертвовать несходством творческих почерков при сохранении общности методологических принципов.

Примечания

I. Курбский Б. Отзыв о журнале "Сибирские огни" (1926. № I - 3); Вольная Сибирь. Прага. 1926. № I. С. 201. (См.: Е.А.Куклина. "Вольная Сибирь" и традиции областничества // Наука в Сибири. 1993, № 4).

2. Очерки истории русской советской журналистики. 1917 - 1932. М., 1966. С. 300.

3. Там же. С. 298.

4. Там же. С. 299.

5. Курбский Б. Указ. соч.

6. Новый общесибирский журнал "Советская Сибирь". 1921. 30 дек.

189. Там же. 1977. № 1.
190. Там же. 1976. № 4.
191. Там же. 1973. № 3.
192. Там же. 1974. № 9. С. 157.
193. Там же. С. 158.
194. Там же. С. 159.
195. Там же. С. 161.
196. Там же. С. 162.
197. Там же. С. 163.
198. Там же. 1980. № 8. С. 117.
199. Постановление ЦК КПСС "О литературно-художественной критике" // Правда. 1972. 25 янв.
200. Сиб. огни. 1980. № 8. С. 181.
201. Вопр. лит. 1978. № 4. С. 135.
202. Сиб. огни. 1981. № 1.
203. Там же. 1980. № 9.
204. Ерофеев Викт. Поминки по советской литературе // Лит. газ. 1990. 10 марта. С. 4.
205. Вопр. лит. 1992. Вып. 2. С. 127.

Оглавление

Предисловие 3
Глава I. 20-е годы 8
Глава II. Литературная критика "Сибирских огней" в 30-е годы. 74
Глава III. Критика журнала "Сибирские огни" в послевоенные годы (1940-1953) 150
Глава IV. От "оттепели" до "застоя" (1954-1970) 177
Глава V. 70-е - первая половина 80-х годов 215